

Н. Д. КОЧЕТКОВА

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ
В РУССКИХ ИЗДАНИЯХ XVIII ВЕКА**

(Посвящения екатерининским вельможам)

Обращение к государю или члену его семьи, как правило, требовало и смелости, и определенной уверенности в том, что подносимое сочинение достаточно значительно по своему содержанию.¹ Это может быть отнесено и к посвящениям, адресованным близким к правителю вельможам. Просьбы о высоком покровительстве уместнее было направлять не к самому монарху, а к его приближенным — вельможам, видным чиновникам.

Рассматривая посвящения меценатам, А. Варда справедливо отметила, что они составляют самую значительную часть русских дедикаций XVIII в. Анализируя эти тексты, исследовательница выделила их общие особенности, позволяющие рассматривать посвящения как построенную по определенным риторическим правилам самостоятельную форму, близкую и к панегирику, и к эпистолярному жанру.² В книге А. Варды, однако, не уделено внимания адресатам посвящений, контактам между автором и адресатом чаще всего они даже не названы. Между тем эти, казалось бы, близкие дедикации, написанные по правилам литературного этикета, остаются важным свидетельством человеческих взаимоотношений и контактов, характеризуют автора и адресата, несмотря на всю условность похвал. Малейшие оттенки в выражениях, предпочтение той или иной формулы и особенно отступления от шаблона — все это заслуживает внимания. К одним меценатам обращаются чаще, к другим реже, к третьим — лишь эпизодически. Один и тот же ли-

¹ См. *Кочеткова Н. Д.* Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. Статья вторая. Посвящения государю // XVIII век СПб., 2004 Сб. 23 С. 20—46

² См. *Warda A.* 1) *Z obserwacji nad dedykacjami mecenasowskimi w osiemnastowiecznej Rosji* Łódź, 2000, 2) *Ze studiów nad świadomością teoretycznoliteracką w osiemnastowiecznej Rosji* Łódź, 2003

тератор несколько книг посвящает одному и тому же человеку. Другой постоянно меняет адресатов, иногда почти одновременно пишет дедикации разным людям. Существенные различия можно заметить в самой тональности обращений к меценату: далеко не всегда преобладает униженно-просительная. В той или иной степени в посвящениях, при всей их комплиментарности, проявляется общественно-литературная позиция автора, индивидуальность его стиля. Выбор адресата часто сам по себе уже значим — это важный факт биографии писателя. Вместе с тем для характеристики государственного деятеля тоже важно, кто из писателей обращался к нему с литературной дедикацией, какую книгу ему адресовали.

Богатый материал представляют собой посвящения екатеринским вельможам, людям из самого близкого окружения императрицы. прежде всего Орловым, Г. А. Потемкину, А. А. Вяземскому. Они нередко оказывались своеобразными посредниками между литератором и государыней. Писатель вынужден обращаться к власти имущим, соблюдая соответствующие правила этикета и говоря на языке понятном и приятном для адресата. Упоминание о доверенности, оказанной императрицей тому или иному вельможе, оказывалось одним из самых надежных способов не только угодить ему, но и найти в нем влиятельного ходатая перед государыней. В большей или меньшей степени окружавшие Екатерину II сановники были людьми образованными, начитанными, а иногда и не чуждыми литературных занятий. Известно, какой высокопоставленный коллектив трудился вместе с государыней над переводом политического романа Ж.-Ф. Мармонтеля «Велизарий» — «Велизер» (1768): в нем приняли участие А. И. Бибиков, Д. В. Волков, И. П. Елагин, Г. В. Козицкий, С. М. Кузмин, А. В. Нарышкин, В. Г. и Г. Г. Орловы, З. Г. Чернышев.³ Императрица стремилась снискать славу просвещенной монархини и в первые десятилетия своего правления декларировала приверженность идеям Просвещения.⁴ Поощряемые ею вельможи, вторя государыне, и в этом могли продемонстрировать свою лояльность. Некоторые из них и сами достаточно глубоко были увлечены сочинениями Вольтера, Руссо, Дидро, Мармонтеля и других европейских просветителей. Их книги (преимущественно на французском языке) хранились в книжных собраниях русских меценатов, охотно принимавших и отечественные издания с лестными посвящениями.

³ См. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь XVIII век СПб, 1995 Т 1 Проза С 166—168 (Автор главы — Ю Д Левин)

⁴ Перевод «Велизера» был посвящен архиепископу Гавриилу (Петрову), и текст этого посвящения В. М. Живов рассматривает как своего рода идеологическую программу. См. Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры М, 1996 Т 4 XVIII—начало XIX в С 657—683

В первое десятилетие царствования Екатерины II особенно много дедикаций было обращено к Орловым, сыгравшим, как известно, важнейшую роль в перевороте 1762 г. Кроме старшего брата Ивана Григорьевича (1733—1791), другие четверо братьев активно участвовали в государственной и общественной жизни того времени: Григорий Григорьевич (1734—1783),⁵ остававшийся фаворитом императрицы до 1772 г.; Алексей Григорьевич (1737—1807), получивший после своей победы в русско-турецкой войне фамилию Орлов-Чесменский; Федор Григорьевич (1741—1796), генерал-аншеф, обер-прокурор Сената; Владимир Григорьевич (1743—1831), в 1766—1772 гг. директор Академии наук.⁶

Г. Г. Орлов славился как щедрый и просвещенный меценат. Когда И. И. Шувалов оказался в немилости у воцарившейся Екатерины II и в 1763 г. уехал за границу, именно он стал главным покровителем Ломоносова. В письме к Шувалову от 11 июля 1764 г. Ломоносов писал об Орлове как о своем «втором меценате», «милостивым предстательством» способствовавшем отмене его известной кратковременной «отставки от академии».⁷ Через несколько дней, 19 июля 1764 г., Ломоносовым было написано стихотворение «Его сиятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову <...> на благополучное возвращение ея величества из Лифляндии поздравительное письмо», содержащее пространный панегирик Екатерине II, но адресованное Орлову. «Любитель чистых муз, Защитник их трудов»⁸ — так обращался к нему поэт. Орлов впоследствии приобрел библиотеку и архив Ломоносова.⁹ В книжном собрании вельможи были преимущественно русские издания: сочинения по русской истории и литературе, почти полный комплект Трудов Вольного экономического общества, почетным председателем (президентом) которого он был, а также произведения Вольтера и Руссо во французских изданиях 1750-х гг.¹⁰ Отличаясь мягким характером и доброжелательностью, еще до своего возвышения Г. Г. Орлов умел располагать к себе людей. А. Т. Болотов, описывая свое пребывание в Кенигсберге, где он сдружился с Орловым в 1758 г., упоминал о его «ласковом и, в особенности, приятном обхождении»:

⁵ См о нем: *Барсуков А. П.* Князь Григорий Григорьевич Орлов // Русский архив. 1873. Т. 1. № 2. С. 1—146; *Алексеевский Б.* Орлов Г. Г. // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. Обезьянинов—Очкин. С. 349—353.

⁶ См. о нем: *Орлов-Давыдов В.* Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб., 1878. Т. 1—2.

⁷ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1957. Т. 10. Служебные документы и письма. С. 586. См. также комментарий: с. 876.

⁸ Там же. М.; Л., 1959. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. С. 801.

⁹ См.: *Кулябко Е. С.* Неизвестный корреспондент «Собеседника любителей российского слова» // Русская литература. 1971. № 1. С. 69—72; *Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б.* Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975. С. 38—39, 81.

¹⁰ Там же. С. 69.

«Он и тогда имел во всем характере своем столь много хорошего и привлекательного, что нельзя было его никому не любить».¹¹ Правда, позднее, когда Орлов стал «первейшим фаворитом», Болотов не захотел к нему «адресоваться», сомневаясь, что будет принят с прежним дружелюбием¹² Недостатка просителей и «ласкателей», разумеется, не было в передней вельможи, через которого надеялись получить и выгодное место, и чины, и даже покровительство императрицы Кроме того, был известен и интерес Орлова к литературе, и его готовность поощрить начинающих писателей. Через посредство Орлова к императрице обращался А. П. Сумароков.¹³ Орлову в 1763 г Д. И. Фонвизин принес один из первых своих трудов — перевод трагедии Вольтера «Альзира». Позднее именно благодаря этому вельможе драматург был приглашен к императрице читать свою комедию «Бригадир».¹⁴

И. С. Барков,¹⁵ в 1762 г. нехотая поспешивший выступить с одой Петру Федоровичу, уже через год после восшествия на престол Екатерины II опубликовал свой перевод «Сатир» Горация со стихотворным посвящением Г. Г. Орлову. Рассуждения о жанре сатиры здесь завершались прославлением «нашей защитницы», которая «хранит и милует, законы вводит вновь». Орлов же предстает как ее примерный подданный.

Вы ж, исполнители премудрых повелений,
Даєте образ, как избегнуть преступлений
И добродетельно на свете людям жить,
Чтоб общей матери могли угодны быть¹⁶

Предприимчивый Ф. А. Эмин, приехавший в Россию в 1761 г и первые два года без особого успеха искавший покровительства,¹⁷

¹¹ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков М, 1870 Т 1 Стлб 830

¹² Там же Т 2 С 392—393

¹³ См Письма русских писателей XVIII века Л, 1980 С 94—95, 115—119 Публикация В П Степанова

¹⁴ См Фонвизин Д И Собр соч В 2 т М, Л, 1959 Т 2 С 97, 328 Позднее отношение Фонвизина к Г Г Орлову изменилось в худшую сторону, во многом в связи с защитой интересов Н И Панина, секретарем и другом которого стал писатель Фонвизин упоминал, в частности, что «Орлов с Чернышевым [очевидно, З Г Чернышевым — Н К] злодействуют ужасно гр-у Н И» (Там же С 355)

¹⁵ См Степанов В П Барков И С // Словарь русских писателей XVIII века Л, 1988 Вып 1 С 57—62

¹⁶ Квинта Горация Флакка Сатиры или беседы с примечаниями, с латинского языка преложенные российскими стихами < > Иваном Барковым СПб, 1763 С 6 нунум

¹⁷ См Бешенковский Е Б Жизнь Федора Эмина // Н И Новиков и общественно-литературное движение его времени Л, 1976 С 186—203 (XVIII век Сб 11)

Г. Г. Орлову посвятил свой первый роман «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда». Объявление о выходе этой книги, написанное самим Эминым, появилось в «Санкт-Петербургских ведомостях» 6 июня 1763 г., а в конце этого года благодаря Орлову он уже был принят переводчиком в Кабинет императрицы.¹⁸ Последующие, уже посмертные издания романа (1781 и 1792 гг.) тоже сопровождалось посвящением Эмина Г. Г. Орлову. Однако это был совершенно другой текст, либо сохранившийся в части тиража первого издания, либо воспроизведенный по рукописи Н. И. Новиковым, в типографии которого появилось 2-е издание.¹⁹ Можно полагать, что это был первый вариант посвящения, так как в нем упоминался только один орден Орлова — орден святого Александра; в издании же 1763 г. говорилось, что Орлов «орденов святого Александра и святых Анны кавалер». В посвящении новиковского издания Эмин называл себя «несчастливым и здесь еще неизвестным человеком» и обращался к Орлову с такими словами «Ваше сиятельство, всепокорнейше прошу принять в высокое Ваше покровительство труды того, который, спадши с колесницы фортуны и охромевши в счастье, пером своим подпирается, ибо самолучшее рукодельцов удовольствие есть, когда их работа тем, для кого была сделана, будет милостиво принята».²⁰ Другой вариант посвящения, помещенный в прижизненном издании 1763 г., значительно пространнее. Здесь главное место занимает панегирическая часть Эмин упоминает о том, что «превосходные добродетели» Орлова «всей Европе уже известны». Далее весьма витиевато восхваляются эти добродетели, причем автор всячески стремится принизить самого себя, чтобы еще больше превознести вельможу: «И подлинно потревожились было трепещущие мои намерения в избрании делу моему покровителя, увидя того достоинство, к призрению которого наподобие быстропарящего орла стремятся. И если бы всем известная Вашего высокографского сиятельства человеколюбия добродетель с заблуждающими моими замыслами не встретила, конечно б, сии в обильно процветающем добродетелей Ваших лабиринте так запутались, чтоб и Ариядина нитка на точную дорогу оных бы вывести не умела. Хотя и ныне не без трепету за сие мое сочинение принимаюсь, рассуждая, что оно толь знатным отечества нашего кавалером быть читаемо счастье иметь будет; однако рвущееся с усердием мое сердце к принесению дани своей искренности Вашему сиятельству повергает оное с сочинителем своим под стопы Ва-

¹⁸ Там же С 194—195

¹⁹ Н. И. Новиков имел возможность пользоваться библиотекой Г. Г. Орлова См. Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова С 94—95

²⁰ Эмин Ф. А. Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда 2-е изд. М. Университетская тип. у Н. Новикова, 1781 Ч. 1 С. 5—6 н. н. у. Экземпляр РНБ, шифр 18 261 5 15

шего сиятельства».²¹ Если в первом посвящении Эмин подписался «всепокорнейший слуга», то в этом — «всенижайший слуга». Самоуничжение и безудержная лесть стали характерными чертами и позднейших посвящений Эмина, обращенных к Екатерине II, Ф. Г. Орлову и другим вельможам.²² Существенно, однако, что именно Орловы поддержали «незнаемого человека», которому было суждено стать одним из создателей жанра русского романа.

Среди литераторов, искавших покровительства у Григория Орлова в годы его могущества при дворе, оказался и троюродный брат будущего всесильного фаворита — Павел Сергеевич Потемкин, известный как один из самых первых переводчиков сочинений Ж.-Ж. Руссо на русский язык.²³ Выбор покровителя был далеко не случаен. Сам Г. Г. Орлов проявлял большой интерес к женеvскому гражданину: русский вельможа в 1767 г. обращался к Руссо с письмом, в котором писал о знакомстве с его книгами и приглашал его в Россию, обещая гостеприимство в своем имении в Гатчине. Письмо Орлова и ответ Руссо с вежливым отказом были опубликованы в «Journal Encyclopédique» (1 июля 1767 г.).²⁴ К трудам П. С. Потемкина, тогда еще молодого и нечиновного человека, Орлов явно отнесся весьма сочувственно и, очевидно, способствовал их публикации: в 1770 г. вышло сразу два сочинения Руссо в переводе Потемкина и оба были посвящены Г. Г. Орлову, которого переводчик благодарил за «особенные благодеяния», упоминая, что его благодарность имеет «особливые основания». В посвящение перевода «Рассуждения <...> на вопрос, какая добродетель есть самонужнейшая героям. » Потемкин вместил целый панегирик Екатерине II, сравнивая ее по традиции с Петром Великим. Примечательно, однако, что, восхваляя военные победы, поклонник Руссо отдал предпочтение ее заботам о мире и правосудии, заметив: «А как блаженство излить на народы есть гораздо редкое дело, то и завоевания оным уступают славу».²⁵ Орлов восхваляется за то, что «споспешествует намерениям великия нашей монархини», «защищает рукою помощи своей бескровных и притесненных». Обращаясь к теме переведенного сочинения, Потемкин восклицает: «Какое содержание может важнее сего быть? Кто может лучше сего автора изо всех пи-

²¹ Эмин Ф. А. Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда. СПб., 1763. Ч. 1. С. 4—5. нум. Экземпляр РНБ, шифр 18 260 3 19

²² См. Warda A. Z obserwacji nad dedukcjami mecenasowskiimi. С. 44, 52

²³ См. Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII века // Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 215—218; История русской переводной художественной литературы. Т. 1. С. 170—172; Заборов П. Р. Потемкин П. С. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 484—486

²⁴ Текст писем см. Орлов-Давыдов В. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб., 1878. Т. 1. С. 17—20

²⁵ Рассуждение господина Ж.-Ж. Руссо на вопрос, какая добродетель есть самонужнейшая героям. Переводил Павел Потемкин М., 1770. С. 8. нум.

сателей решить такой вопрос? Но кому ж удобнее приличествует онный быть приписан, как Вам?»²⁶ Пользуясь обычными риторическими приемами, переводчик стремится подчеркнуть и свою собственную высокую оценку сочинения Руссо, и уверенность в том, что адресату близки проповедуемые философом идеи: «Что сердце Вы имеете геройское, то свет видел; но что душу имеете добродетельную, тем целое общество ежедневно наслаждается».²⁷

Стремясь познакомить отечественных читателей с трактатами женевагражданина, Потемкин пытался в своих предисловиях полемизировать с ним, несколько смягчая впечатление от идей, казавшихся слишком смелыми. Это стремление как-то оправдать свой выбор для перевода сочинений Руссо можно заметить и в тексте посвящений, обращенных к Г. Г. Орлову. «Сочинитель сего рассуждения, — писал Потемкин об авторе «Рассуждения о начале и основании неравенства между людьми», — славится тем, что родился он в такой стране, в которой может свободно объявлять мнения свои; когда бы он мог предусмотреть сие цветущее состояние России, в котором мы ныне под благословенною державою премудрой нашей монархини находимся, то без сумнения оставил бы он свои похвалы <...> Благополучны мы поистине, что рождены в такой век, в который просвещение блистает в совершенной своей силе, в который добродетель бесприместная процветает, распространяется и торжествует и в который благоволением нашей монархини, век свой бессмертною славою увенчавающая, каждый сын благополучной нашей страны пользуется и щедротами ея наслаждается».²⁸ Главной же заслугой Орлова вновь представляется то, что он «спешествует намерениям премудрой нашей государыни».²⁹ Так традиционный панегирик превращается в своеобразный щит, заслоняющий от возможных упреков в свободомыслии.

Известный просветитель Я. П. Козельский,³⁰ посвящая Орловым свой перевод «Истории датской» Л. Гольберга (1765—1766, 1-я часть посвящена Г. Г. Орлову, 2-я — Ф. Г. Орлову), благодарил за «милость и благодеяние» всей их «знатной и добродетельной фамилии». Каждого из братьев писатель восхвалял за «любовь к наукам и покровительство к упражняющимся в них людям».³¹ Хотя это

²⁶ Там же. С. 10—11 нenum.

²⁷ Там же. С. 11 нenum.

²⁸ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми. Перевел П. Потемкин. [М.], 1770. С. 7—8 нenum. Тот же текст посвящения во 2-м изд.: М., 1782.

²⁹ Там же. С. 9 нenum.

³⁰ См.: Коган Ю. Я. Просветитель XVIII в. Я. П. Козельский. М., 1958; Степанов В. П. Козельский Я. П. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 91—93.

³¹ Гольберг Л. История датская <...>. СПб., 1765—1766. Ч. 1. С. 7 нenum.; Ч. 2. С. 6 нenum.

было достаточно распространенной формулой в посвящениях, обращенных к меценату,³² Орловы могли считать такую похвалу заслуженной. К ним обращались с хвалебными стихами и посвящениями не только те, кто нуждался в покровительстве и помощи, но и люди, занимавшие достаточно высокое положение.

Характерно отношение к этой семье С. В. Нарышкина (1731—до 1800), постоянно прославлявшего Орловых в своих стихах.³³ Издавая в 1770 г. перевод одного из самых смелых публицистических произведений А.-Л. Тома, «Письма к народу», вместе с собственным стихотворением «Разговор между Бедностью и Истиною», Нарышкин, посвящая это издание Федору Григорьевичу Орлову, писал: «...Вы неоднократно, входя в людские несчастья, при мне о них соболезновали; сердце Ваше ко прямым утехам дружбы всегда откровенно: Вы прямое величество человека не в высоких степенях, не в отменных почестях, ниже во знатном предков имени, но в любви к роду человеческому и добродетелях почитаете».³⁴ Элементы традиционной дедикации меценату (восхваление его добродетелей) приобретают здесь особую тональность, характерную скорее для дружеского посвящения. Краткая, но отнюдь не традиционная характеристика Ф. Г. Орлова содержится в посвящении С. В. Нарышкина, предпосланном его переводу сочинения Б.-Ж. Сорена «Душе друга моего Гельвеция» (1772): «Милостивому государю моему графу Федору Григорьевичу Орлову, так как знающему прямо цену покойного Гельвеция».³⁵

Почтительный, но отнюдь не униженный тон характерен и для посвящений, с которыми обращались к Орловым в годы фавора Григория Григорьевича такие литераторы, как И. П. Елагин, И. И. Лепехин, М. М. Херасков и др. Из посвящения, которое Елагин предпослал своему переводу комедии И. В. Браве «Безбожный» (1771), выясняется, что Г. Г. Орлов был инициатором этого литературного труда: «Ваше сиятельство желали, чтоб перевел я трагедию Безбожного. <...> ...я все употребил, чтоб исполнить с крайним рачением желание Ваше. Если мне удалось, и если он понравится обществу, то не мне оно, но Вашему сиятельству одолжено...».³⁶ По-видимому, литературным вкусам Орлова, известного своей при-

³² См.: *Warda A. Z obserwacji nad dedykacjami mecenasowskimi...* S. 16, 20.

³³ См.: *Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II.* СПб., 1914. С. 69—71; *Степанов В. П. Нарышкин С. В. // Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2. С. 330—332.

³⁴ [Тома А.-Л.] Письмо к народу г. Томаса. [СПб., 1770]. С. 3 нenum.

³⁵ Душе друга моего Гельвеция. Сочинение господина Сорена. [СПб., 1772]. С. 1.

³⁶ [Браве И. В.] Безбожный. Трагедия в пяти действиях. Переведено с немецкого. СПб., 1771. С. 5 нenum.

частностью к масонскому движению,³⁷ соответствовали сочинения, посвященные религиозно-нравственным проблемам. Так, среди книг, служивших «духовной пищей братьев», был перевод «Размышлений и нравоучительных правил» Ю. Т. Оксеншерна, осуществленный в 1771 г. П. О. Нечаевым³⁸ и посвященный Г. Г. Орлову.

Победы во время русско-турецкой войны 1768—1772 гг., в которой принимали участие и Григорий, и Федор и, особенно, триумф Алексея Орлова после сражения при Чесме в 1770 г., получившего почетное имя Орлова-Чесменского, стали темой ряда произведений: оды С. Г. Домашнева, В. И. Майкова, М. М. Хераскова, стихотворная драма П. С. Потемкина «Россы в Архипелаге» (1772).³⁹ Наиболее замечательное из них — поэма Хераскова «Чесмесский бой» (1771), где главными действующими лицами были Алексей и Федор Орловы, посвященная Григорию Орлову, который «споспешествовал» этому труду. Именно от него, очевидно, поэт узнал о многих конкретных обстоятельствах сражения, как явствует из текста посвящения: «Священное дружество и братство, соединяющие Вас со истребителями страшного турецкого флота, с сими героями, которым вся Европа удивляется, великое участие, которое Ваше сиятельство сами в сем великом предприятии имели, способы, которые Вы, споспешествуя моему труду, мне подали, — все сие обязывает меня посвятить сие сочинение имени Вашего сиятельства. Прочитав мои стихи, Ваше сиятельство можете усмотреть, далеко ли отступил я от подлинности. Вам больше всех обстоятельства сего славного происшествия известны; и я счастливым себя почту, ежели пение мое хотя несколько громкой славе героев наших уподобится. Здесь говорит истина устами ревностного сына отечества, который восхищен его славой». Далее следовали стихи, завершаемые строками:

Но что бы сделал я с гремящую трубою,
Когда бы сей мне путь не явлен был Тобою?⁴⁰

По всей очевидности, Г. Г. Орлов не только рассказывал Хераскову о сражении, но и предложил поэту воспеть это событие. Сопоставляя поэму Хераскова с записками князя Ю. В. Долгорукова, который в Чесменском сражении командовал одним из кораблей,

³⁷ См. *Серков А. И.* Русское масонство 1731—2000 гг. Энциклопедический словарь М., 2001 С. 611—612

³⁸ См. *Латто-Данилевский К. Ю.* Нечаев П. О. // Словарь русских писателей XVIII века Вып. 2 С. 347—348 О близости книги Оксеншерна масонским интересам см. *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II 2-е изд. СПб., 1999 С. 139

³⁹ См. *Зорин А.* Кормя двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII—первой трети XIX века М., 2001 С. 56—59

⁴⁰ [Херасков М. М.] Чесмесский бой [СПб., 1771] С. 5—6 нснум

О. Чайковская весьма критически оценивает роль Орловых. Признавая, что Херасков «вообще отлично знает весь ход событий», исследовательница уличает его в отходе от истины, в лести и подобострастии.⁴¹ Стремление О. Чайковской привлечь внимание к документальной прозе вполне правомерно, но с суровой оценкой позиции Хераскова и его поэмы согласиться нельзя. Не говоря уже о требованиях жанра и несомненных художественных достоинствах херасковских стихов, важно принять во внимание и характер отношений между поэтом и меценатом. Когда кончился фавор Г. Г. Орлова, его отношения с Херасковым не прервались. А. Т. Болотов вспоминал, что в 1782 г. присутствовал на представлении трагедии Хераскова «Идолопоклонники» в его домовом театре и что зрители были «все ему знакомые люди», среди которых оказался и Г. Г. Орлов.⁴² Уже после его смерти, последовавшей в 1783 г., Херасков предпринял двухтомное издание своих «Эпических творений», включавших и «Чесмесский бой». Поэт полностью воспроизвел здесь текст посвящения Орлову из первого издания, поставив дату: «1771 года. В июле месяце» и сделав примечание: «В сие время его светлость не был еще пожалован князем Римския империи».⁴³ Заключительные строки поэмы были заново написаны Херасковым, и эта концовка непосредственно соотносилась с посвящением:

А ты, которому я песни посвятил,
Орлов, которого глубоко в сердце чтил!
Россия целая доброт твоих свидетель.
Но нет уже тебя, уж нет, мой благодетель!
Вознесся ты от нас в селения небес
И братьям стал твоим виною горьких слез;
Ликуй, геройский дух: хоть мы тебя лишены,
Но качества твои не будут ввек забвенны.⁴⁴

Эти строки, как и перепечатка посвящения «благодетелю» после его кончины, что было достаточно редким явлением в литературной практике XVIII в., свидетельствуют о том, что Херасков действительно «в сердце чтил» Орлова.⁴⁵

Когда летом 1772 г. Екатерина II заменила Г. Г. Орлова А. С. Васильчиковым, а затем Г. А. Потемкиным, несмотря на все щедрые

⁴¹ Чайковская О. «И в прозе глас слышен соловьин». Заметки о документальной литературе XVIII века // Вопросы литературы. 1980. № 11. С. 196—213.

⁴² Жизнь и приключения Андрея Болотова... СПб., 1872. Т. 3. Стлб. 1023.

⁴³ Эпические творения Михайла Хераскова... 2-е изд., испр., пересмотр. и доп. М., 1786. Ч. 1. С. 283.

⁴⁴ Там же. С. 331.

⁴⁵ Правда, издавая при Павле I свои многотомные «Творения», Херасков при публикации «Чесмесского боя» (М., 1797. Ч. 3) снял и это, и некоторые другие посвящения, а также вновь заменил заключительные строки поэмы.

награды и подарки императрицы, он безвозвратно потерял свое былое влияние, надолго удалился из России, а после безвременной кончины своей супруги тяжело занемог. Тем не менее посвящения ему и его братьям продолжали появляться и в переизданиях, и в новых книгах. Так же, как еще в 1766 г. А. И. Вельяшева-Волынцева посвятила Г. Г. Орлову свой перевод книги Т. С. Геллета «Тысяча и один час, сказки перуанские» (М., 1766. Т. 1), благодаря его за милости, оказанные отцу; спустя много лет ее младший брат Д. И. Вельяшев-Волынцев⁴⁶ благодарил Г. Г. Орлова за те же продолжающиеся милости к «родителю» в дедикации, предпосланной переводу комедии Ж. П. де Сен-Фуа «Силф» (М., 1782). В «Надписи на кончину Г. Г. Орлова» (1783) анонимный автор писал:

Не гордость пышная им в счастье обладала,
Но сердца чистота одна в нем обитала.
Молений плачущих Орлов не презирал;
Но, сострадав им, их слезы утирал.⁴⁷

Литераторы XVIII в. неоднократно обращались с дедикациями и к другим братьям Орловым. Посвящая Ф. Г. Орлову свой перевод книги Ж.-Б. Журдана «Воин-философ» (М., 1790. Ч. 1—2), Е. Лихонин подчеркивал параллель между адресатом и героем книги, который ищет «истинное благо» и любит науки.

Неколебим в глазах большинства современников оставался авторитет А. Г. Орлова-Чесменского. Ему «приписал» В. С. Раевский свой перевод сочинения У. Кокса «Опыт нынешнего состояния Швейцарии» (М., 1791. Ч. 1), надеясь, что труд, предпринятый из «усердия отечеству», заслужит одобрение прославленного героя. Именно ему адресовалась книга Кокса, в которой русский читатель мог найти немало полезного для размышлений о наилучшем государственном устройстве.⁴⁸ Раевский писал в посвящении: «Республика сия потому наипаче заслуживает особенное внимание, что ея члены, славясь добрыми и блистательными своими качествами, подают редкой пример трудолюбия, постоянства, верности, умеренной жизни и доброго между собою согласия».⁴⁹ Переводчик обращался к А. Г. Орлову, явно надеясь найти в нем не только покровителя, но и возможного единомышленника.

⁴⁶ См. о нем: *Равдин Б. Н., Рогинский А. Б.* Вельяшев-Волынцев Д. И. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2. С. 144—146.

⁴⁷ *Московские ведомости.* 1783. № 32.

⁴⁸ Н. М. Карамзин в «*Московском журнале*» (1791. Август) опубликовал рецензию на эту книгу, высказав, однако, ряд критических замечаний относительно перевода.

⁴⁹ [*Кокс У.*] *Опыт нынешнего естественного, гражданского и политического состояния Швейцарии, или Письма Вильгельма Кокса...* М., 1791. Ч. 1. С. 6 нунум.

Вероятно, не без надежды на заступничество перед Екатериной II опальный масон И. В. Лопухин⁵⁰ в 1794 г. напечатал книгу «Излияние сердца, чтущего благодать единоначалия...» с посвящением А. Г. Орлову-Чесменскому, с которым лично был хорошо знаком. В годы, предшествовавшие процессу над Новиковым и его сподвижниками, Лопухин бывал в доме А. Г. Орлова в Москве. Так, в письме к А. М. Кутузову от 18 ноября 1791 г. Лопухин писал, что «собирался уже пешком идти обедать к графу Алексею Григорьевичу, под Донской...». В это время московские масоны хорошо чувствовали, как сгущаются вокруг них подозрения, и в том же письме упоминалось о князе А. А. Прозоровском, который опасается «прослыть знакомым с теми, кои слынут мартинистами».⁵¹ Когда Лопухину был объявлен указ о его высылке, он обратился к А. Г. и Ф. Г. Орловым с просьбой приготовить к этой вести его престарелого отца, что они и выполнили.⁵² Орловы не прекратили и позднее своего знакомства с Лопухиным, когда тот был оставлен в Москве, но под строгим полицейским надзором. Его книга «Излияние сердца...» включала произведения, не только обосновывавшие «преимущество единоначалия», но и порицавшие «мечтание равенства и буйныя свободы» «развращенных французов». События Французской революции утвердили отрицательное отношение Лопухина к энциклопедистам, выраженное им еще в «Рассуждении о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями...» (1780; 2-е изд.: 1787), на которое он ссылаясь в новой книге. Для писателя было важно продемонстрировать свою лояльность к правительству. Однако обращаться непосредственно к самой императрице автор не считал возможным или не хотел: он посвятил книгу хорошо знакомому и уважаемому им человеку, имевшему неоспоримые заслуги и продолжавшему сохранять немалое влияние при дворе. Хотя книга была издана анонимно и посвящение подписано псевдонимом «Сочинитель», из текста явствовало, что для Орлова не было секретом, кто автор книги. Лопухин писал: «Вашему имени, во храме славы блистающему, в знак почтения моего к великой душе Вашей, посвящаю сию книгу, содержащую излияние искреннейших моих чувств и образ мыслей моих о разных предметах. Искренность моя известна Вашему сиятельству. Вы знаете, милостивый государь, что я или молчу, или говорю то, что думаю. Откровенно называю я графа Орлова-Чесменского героем, а неправду неправдою. Я уверен, что Ваше сиятельство сие приношение мое изволите при-

⁵⁰ О нем см.: Барсков Я. Лопухин И. В. // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. Лабзина—Лященко. С. 650—682; Кочеткова Н. Д. Лопухин И. В. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 229—234; Серков А. И. Русское масонство. С. 488—489.

⁵¹ Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792 гг. Пг., 1915. С. 34.

⁵² Лопухин И. В. Записки. М., 1990. С. 61. (Репринт. воспр. изд. 1860 г.).

нять с обыкновенным Вашим ко мне благоволением, которое тем больше приносит мне чести и удовольствия, что оно, сказать осмелюсь, не есть приобретение корыстного и ласкательного искания, но бесценный дар чувствованиям, нелицемерно чтущим отличающее Вас великодушие и подвиги славные и для отечества полезные». ⁵³ Примечательно, что в тексте этого посвящения не было никаких упоминаний об императрице, и хвала Орлову-Чесменскому воздавалась за его собственные заслуги, «для отечества полезные».

В том же 1794 г. Лопухин издал свою пьесу «Торжество правосудия и добродетели, или Добрый судья», посвятив ее Федору Григорьевичу Орлову «в знак своего высокопочитания и преданности». Ф. Г. Орлов также сохранил добрые отношения с опальными участниками Новиковского кружка, и на его кончину в мае 1796 г. откликнулись М. М. Херасков («Любимец счастья, герой и философ...») и находившийся в ссылке И. П. Тургенев. ⁵⁴ Все эти материалы позволяют говорить о несомненно сочувственном отношении Орловых к московским масонам даже в период гонений на них.

Младший из братьев, Владимир Григорьевич Орлов, назначенный в 1766 г. в 24 года директором Академии наук и занимавший этот пост до 1774 г. (время фавора Г. Г. Орлова), охотно покровительствовал молодым литераторам. Об этом свидетельствует, в частности, и посвящение Л. И. Сичкарева (1741—1809) — переводчика книги «Забавный философ...» (1766), включавшей моралистические очерки английских просветителей. ⁵⁵ Восхваляя «благопризрение», с которым В. Г. Орлов относится к «трудолюбцам», занимающимся науками, Сичкарев писал. «Я, имея давно уже вождеденное участие в оказываемом Вами к таким людям благопризнанию, за долг почел препоручить сей малый мой труд милостивому Вашего графского сиятельства покровительству». ⁵⁶ Уподобляя В. Г. Орлова, получившего свой пост благодаря «премудрой монархине», Меценату у Августа, переводчик выражал надежду на процветание наук в России. Так, в посвящениях Орловым отразились и общие особенности,

⁵³ [Лопухин И В] Излияние сердца, чтущего благодать единоначалия и ужасающегося, взирая на пагубные плоды мечтания равенства и буйной свободы < > Писано россиянином, сочинившим Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями < > М, 1794 С 5—6 нумер Эта книга в том же году была издана в Калуге с тем же посвящением

⁵⁴ Стихи Хераскова появились в печати, так же, как и «Стихи на кончину графа Федора Григорьевича Орлова» Е И Кострова, стихотворение Тургенева, оставшееся в рукописи, публикуется в приложении к настоящей статье

⁵⁵ О Л И Сичкареве и его переводах см Левин Ю Д Восприятие английской литературы в России Л, 1990 С 41—44 и по указателю

⁵⁶ Забавный философ, или Собрание разных остроумных мысленных повестей < > Перевел с аглинского Лука Сичкарев СПб, 1766 С 7 нумер Второе издание этой книги под названием «Зритель мира » (1784) Сичкарев посвятил великому князю Александру Павловичу

присущие жанру, и стремление найти покровителей, заступников перед государыней, и попытки подсказать властям, как содействовать благу страны, и, наконец, дань того уважения, которое эти люди вызывали своими личными качествами и заслугами.

К другим фаворитам, пользовавшимся недолгим вниманием императрицы, литераторы обращались лишь эпизодически, и тексты этих посвящений по преимуществу лаконичны и достаточно стандартны. Особая роль Григория Александровича Потемкина (1739—1791)⁵⁷ отмечена не только в обращенных к нему многочисленных одах, но, конечно, и в посвящениях. П. В. Завадовский, характеризуя Потемкина в письме к С. Р. Воронцову, отметил его склонность к благотворению. «...и сия добродетель в нем со излишеством».⁵⁸ Мемуаристы, рассказывающие о переменчивости нрава светлейшего князя, упоминают и о том, что он «приверженных к нему при всяком случае старался возвысить, обогатить и сделать счастливыми».⁵⁹

О разносторонних литературных интересах Потемкина свидетельствует состав его богатой библиотеки, включавшей книги на русском, английском, греческом, итальянском, латинском, польском, французском языках.⁶⁰ Не чуждый и сам литературных занятий, он был человеком начитанным, проявляя особое внимание к богословским сочинениям. Круг его литературного общения был весьма широк: это и его соученики по Московскому университету, и крупнейшие писатели того времени (Г. Р. Державин, Е. И. Костров, В. П. Петров, А. П. Сумароков), и многочисленные сочинители, подносившие ему свои оды.⁶¹

Одним из самых первых откликов в литературных посвящениях на возвышение Потемкина была дедикация М. И. Коваленского.⁶² Друг и биограф Г. С. Сковороды, служивший в 1770-е гг. в Военной коллегии, вице-президентом которой был Потемкин, он посвятил ему свой перевод книги Ж.-Л. Д'Аламбера «Записки Христины, королевы шведской» (1774). Автор, по словам переводчика, «начерта-

⁵⁷ См о нем *Брикнер А. Г. Потемкин* СПб, 1891, Екатерина II и Потемкин Личная переписка 1769—1791 / Изд подготовил В. С. Лопатин М, 1997, Г. А. Потемкин От вахмистра до фельдмаршала Воспоминания Дневники Письма / Сост и подгот текста З. Е. Журавлевой, вступ ст. Б. Г. Кипниса и М. А. Гордина, примеч. Б. Г. Кипниса СПб, 2002, Г. А. Потемкин Последние годы Воспоминания Дневники Письма / Сост и подгот текста З. Е. Журавлевой, примеч. Б. Г. Кипниса, общ ред. М. А. Гордина СПб, 2003

⁵⁸ Г. А. Потемкин От вахмистра до фельдмаршала С. 243—244

⁵⁹ Г. А. Потемкин Последние годы С. 155

⁶⁰ См *Болотина Н. Ю. Личная библиотека светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического* // Книга М, 1995 Сб. 71 С. 253—265

⁶¹ См *Болотина Н. Ю. Г. А. Потемкин и его литературное окружение* // Книга в России XI—XX вв. Сб. науч. трудов СПб, 2004 Вып. 21 С. 63—68

⁶² См *Лепехин М. П. Коваленский (Ковалинский) М. И.* // *Словарь русских писателей XVIII века* Вып. 2 С. 82—84

вает, так сказать, долг монархов во всей его чести, пространстве и важности». ⁶³ Следовательно, тема преподносимого сочинения была достаточно ответственна и серьезна. В посвящении при перечислении титулов и должностей Потемкина уже упоминалось, что он генерал-адъютант ее императорского величества. Такой чин был присвоен ему 1 марта 1774 г., и это означало, что отныне он становится главным любимцем Екатерины II. Не только иностранные дипломаты и русские высшие сановники поняли, что «открылась новая страница», ⁶⁴ но и прокурор Военной коллегии Коваленский. Примечательно, что в его посвящении совсем не упоминается о монархине (слишком рано еще было афишировать новую, вначале тщательно скрывавшуюся склонность Екатерины II); ⁶⁵ Потемкин же прославляется и за его воинские подвиги, и за любовь к наукам: «Все почти славные витязи, отличившие себя военным искусством, были любителями наук, покровительствовали ученых, ободряли упражнении сего рода, некоторые участвовали в чести меча и пера и предавали славу свою в сохранение умам и бессмертию. Ваше высокопревосходительство по достоинству между сими великими героями почтены в нашем отечестве, ибо военные подвиги увенчали вас и любомудрие давно уже начертало имя ваше в книге избранных своих». ⁶⁶ Называя Потемкина «героем и философом», Коваленский, очевидно, знал о его интересе к богословской литературе. Удачно выбранная книга для перевода и столь же удачный текст посвящения, так же, как и похвальные оды Коваленского, обращенные к Потемкину, видимо, расположили вельможу к подносителю, который в 1780-е гг. стал правителем его канцелярии.

В 1770—1780-е гг. имя Потемкина вошло в постоянную обойму адресатов, которым «приписывались» литературные труды. М. М. Херасков посвятил ему свою слезную драму «Друг несчастных» (СПб., 1774). Профессор Московского университета Ф. Г. Дильтей каждый том издававшегося им «Детского атласа» (1768—1778. Т. 1—6) сопровождал посвящением разным особам (В. Е. Адодурову, И. Л. Воронцову, архиепископу Амвросию, А. И. Глебову и др.). Первая часть пятого тома, вышедшая из печати в 1775 г., была посвящена Потемкину. Дедикация содержала поздравление вельможе с недавно полученным им титулом графа. Дильтей писал: «...Вы превосходите всякую похвалу, какую только приватный человек приписать Вам может, оставляю все похвальные выражения, а отваживаюсь только при посвящении сея книги принести свое Ваше-

⁶³ [Д'Аламбер Ж-Л] Записки Христины, королевы шведской с примечаниями г Д'Аламберта Переведено с французского языка. СПб., 1774 С 7 нунум

⁶⁴ *Мадариага И де* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002 С 419—420.

⁶⁵ См. Екатерина II и Г. А. Потемкин С 13—14, 556

⁶⁶ [Д'Аламбер Ж-Л] Записки Христины С 5—6 нунум

му графскому сиятельству поздравление о получении графского достоинства, которым Вы недавно пожалованы, ибо сие благоволение всемилостивейшей монархини нашея довольно возвышает все Ваши заслуги, которыми истории наполнены, навсегда имеют оставаться»⁶⁷ «Первенствующим человеком» называл Потемкина грузинский князь А Д Амилахвари, надеявшийся получить через его посредство покровительство императрицы⁶⁸

Для переводчика Ивана Алексеевича Алексеева⁶⁹ стимулом для обращения к Потемкину была уверенность в том, что он со снисхождением приемлет «труды всех других упражняющихся в делах, обществу полезных»⁷⁰ Большую часть его дедикации занимала характеристика переведенной им книги «О Перском царстве» (т е Персии) и ее авторе «Никто столь кратко, ясно, порядочно, достоверно и столь обстоятельно не описал состояния Перского царства касательно древних узаконений, нравов, обыкновений и обрядов персидских, а в особенности царского величества и власти, как трудолюбивейший и почтеннейший муж Варнава Бриссоний » Далее, говоря о достоинствах книги, И А Алексеев объясняет, почему она может заинтересовать всемогущего Потемкина «особливо удивительное и невероятное Ваше светлости любопытство и притом близость с Персиею Астраханского наместничества, Вашей светлости вверенного, суть причиною, что я дерзаю посвятить труды мои, употребленные в переводе оной светлейшему имени Вашему »⁷¹ Книга была напечатана спустя два года после смерти переводчика благодаря его брату П А Алексееву, который к тексту дедикации прибавил свое примечание, в котором, явно надеясь получить воспомоществование, упоминал, что переводчик «скончался, оставя двух малолетних дочерей <v> сиротстве и в долгу призреию сиротопитателей милосердых»

Выходец из Греции А П Палладоклис,⁷² в 1771 г обращавшийся с похвальными одами не только к Г Г и А Г Орловым, но и к Н И Панину и С К Нарышкину, свою поэму «Клия, или Повесть черноморского оттоманов на Крым похода», написанную в 1779 г и опубликованную в 1781 г, сопровождал стихотворным посвящением Потемкину, в котором варьировалась его характеристика как

⁶⁷ Детский атлас < > исправленный и умноженный Филиппом Генрихом Дилтеем < > М, 1775 Т 5 Ч 1 С 6—7 нenum

⁶⁸ [Амилахвари А Д] История георгианская о юноше князе Амилохорове Переведена на российский язык И С СПб, 1779 С 6 нenum

⁶⁹ См Фоменко И Ю Алексеев И А // Словарь русских писателей XVIII века Л, 1988 Вып 1 С 25—26

⁷⁰ [Бриссон Б] Варнавы Бриссония, главного в Париже сенатора, о Перском царстве Переведена < > Иваном Алексеевым Исправлена и издана братом его п<ротоиереем> П А<лексеевым> М, 1781 Ч 1 С 7 нenum

⁷¹ Там же

⁷² См Сазонова Л И Палладоклис А П // Словарь русских писателей XVIII века Вып 2 С 405—406

«героя» и «философа»: «покровитель и муз любитель», «лаврами герой и маслиной венчанный».

Среди последних посвящений Потемкину были дедикации Л. И. Сичкарева, издавшего в Яссах, где в это время находился светлейший князь, два труда: свой перевод книги И. Арндта «Исследование христианства» (1790) и перевод поэмы А. Попа «Опыт о человеке», осуществленный Н. Н. Поповским (1791). В первой из названных книг, очень ценившейся масонами и ранее переведившейся И. П. Тургеневым, говорилось, что «сие <...> христианских истин исследование» Потемкину «усерднейше посвящается яко герою, во всех своих победах великодушие и кротость являющему». ⁷³ Эта же тема развита в стихотворном посвящении Сичкарева, открывающем его издание знаменитого перевода Поповского:

Поповский предстает между твоих трофеев,
Где раздавался глас Назонов и Орфеев.
Прими, великий вождь! среди твоих венцов
Его в чужой земли с издателем в покров.
Ты боле Августа себя здесь тем прославишь,
Что памятник такой средь пальм своих поставишь,
Что гром оружия, торжеств и плесков звук
Вещаний пред тобой не заглушил наук
И что, свершая долг ты бранный пред Палладой,
Был средь мечей для муз защитой и отрадой. ⁷⁴

Таким образом, яркая и противоречивая личность Потемкина получила в дедикациях, как, впрочем, и в адресованных ему многих одах, характеристику панегирическую, но основанную в определенной степени на присущих ему чертах «героя и философа», воина и покровителя наук.

Несколько иную общую тональность можно заметить в посвящениях одному из самых влиятельных лиц при дворе, Александру Алексеевичу Вяземскому (1727—1793). Наделенный весьма широкими полномочиями, он ведал не только юстицией, но и внутренними делами и финансами. При назначении его на должность генерал-прокурора в 1764 г. Екатерина II написала инструкцию, в соответствии с которой ему отводилась особая роль в Сенате: он становился главным проводником политики императрицы и был подотчетен только ей. ⁷⁵ По мнению французского дипломата Сабатье де Кабра,

⁷³ [Арндт И.] Исследование христианства. Перевод с аглинского. Яссы, 1790. С. 3 нenum.

⁷⁴ [Поп А.] Опыт о человеке. Философическая поэма господина Попия. Переведено с французского языка <...> Н. Поповским. Яссы, 1791. С. 3—5 нenum.

⁷⁵ См.: Сборник русского исторического общества. 1871. Т. 7. С. 354; *Мадариага И. де*. Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 109—111 и по указателю.

Вяземский «своим возвышением обязан был дружбе Орловых: его образовала сама императрица, не боясь, что этому „автомату“ припишут ее собственные заслуги». ⁷⁶ Неудивительно, что литераторы, обращаясь к Вяземскому за покровительством, надеялись снискать и «высочайшую милость». При этом, как и в посвящениях самой императрице, они нередко стремились обратить внимание близких к государыне вельмож, а также ее собственное внимание на сочинения, казавшиеся им полезными и важными.

Я. П. Козельский, служивший в Сенате секретарем, посвящая А. А. Вяземскому свою книгу «Философические предложения» (1768), писал о том, что пользуется «благополучным для России временем, когда под благословенною державою августейшей нашей монархини и всероссийской матери Екатерины Алексеевны все науки в России начали приходить в силу, и философия под покровительством ея пользуется совершенною свободою, когда не только здешние, но и других областей трудящиеся в полезных делах люди чувствуют ея щедроты и проповедуют редкие добродетели...». Прославление «совершенной свободы», дарованной царствующим монархом, — известный прием, к которому неоднократно прибегали русские литераторы XVIII столетия, высказывавшие достаточно независимые суждения. Козельский обращался к Вяземскому как к человеку, от которого во многом зависел политический курс: «Известно, что Ваше сиятельство сами прилагаете неусыпное старание и ревность к верной службе ея императорскому величеству августейшей нашей монархини, так и подчиненных Ваших, следующих примеру Вашему в отправлении их должностей одобряете труды и достоинства, то таким образом, я несумненно будучи уверен о благосклонности Вашего сиятельства к трудящимся в должностях своих и учении людям, предприял посвятить сей мой труд высокопочтенному Вашему имени». ⁷⁷

Зналок древних языков П. Е. Екимов, известный как переводчик Гомера, ⁷⁸ свой первый переводной труд — мифологический словарь «Храм древности, содержащий в себе египетских, греческих и римских богов имена...» (1771) посвящал Вяземскому, упоминая, что этот труд был удостоен его «милостивого внимания» и что такими милостями «пользуются упражняющиеся в свободных науках».

Деятельный литератор, друг Н. И. Новикова М. И. Попов, служивший в Комиссии по составлению нового уложения ⁷⁹ и «имевший честь и счастье быть под командою и покровительством» Вяземско-

⁷⁶ Цит. по: Грот Я. Жизнь Державина. М., 1997. С. 173.

⁷⁷ Философические предложения, сочиненные <...> Яковом Козельским. СПб., 1768. С. 6—8 нenum.

⁷⁸ См. о нем: Николаев С. И., Степанов В. П. Екимов П. Е. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 303—304.

⁷⁹ См.: Степанов В. П. Попов М. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 469—472.

го, посвятил ему свой перевод «Рассуждения о благоденствии общенародном» Л. А. Муратори (1780) Дедикация начинается с панегирика Екатерине II: «Слава знаменитых досточтимыми заслугами государю и государству вельмож парит выше многих человеческих деяний, протекает по всем местам, наполняет слухи всех граждан, восхищает чувствительных, и добродетельных людей услаждает душу. Ваше сиятельство достохвальными и неусыпными своими подвигами произвели сие самое действие в соотечественниках Ваших. Вы, избранны будучи премудрою матерью отечества доставлять ей сынам благоденственное и мирное житие, рача непрестанно о общенародном благе, касательно до разных и многих частей государственного благоустройства, исполнили и исполняете еще волю Великия российской императрицы изящнейшим образом, приводя неустроенное в порядок, поврежденное исправляя, обновляя и подавая оному превосходный вид, и всюду простирая непрестанно бдящее и пронизательное око, подавая общую и частную многим местам и членам общества помощь и пособие и тем возбуждая благородные сердца к достодолжному восчувствованию благодарности к Виновнице всеобщего блага и воспламеняя в них любовь к отечеству, тем принопамятнейшую и вечную, что тщитесь утверждать общенародное благо на незыблемых и постоянных основаниях».⁸⁰ Образу идеального правителя соответствует образ идеального государственного деятеля, и при внешнем сервиллизме текст может быть воспринят как своего рода программа, предлагаемая правительству

А. К. Мейер,⁸¹ посвящавший свои литературные труды то самой Екатерине II, то знатым вельможам, перевел книгу И. Ф В Иерузалема, втупившего в полемику с самим прусским королем Фридрихом II, — «Иерузалемово творение о немецком языке.. » (1783), сопроводив ее стихотворной дедикацией Вяземскому Переводчик начинал это посвящение с характеристики сочинения и его автора, подающего пример смело спорить с государем.

Се плод ученого немецкого пера,
Которого есть мысль жива, пылка, остра,
Едва оспорима и гласом правды важна,
Немного только есть, мне кажется, отважна
Дерзнувшая того глаголы возражать,
Кто скиптром и пером умеет обладать
И столько ж в обществе себя ученых славить,
С коликой славою своим народом править
Но нынешний сие имеет счастье век,
Что мысли открывать всяк может человек

⁸⁰ [Муратори Л А] Рассуждение о благоденствии общенародном < > Преложено со французского перевода Михайлом Поповым М, 1780 Ч 1 С 5— 8 нenum

⁸¹ См о нем Лаппо-Данилевский К Ю Мейер А К // Словарь русских писателей XVIII века Вып 2 С 279—280

С такой же смелостью, с какой земель владыки,
Что в малых могут быть чинах умы велики,
Иерузалем сие писаньем сим явил,
Которо росскому я свету преложил

Далее следовало непосредственное обращение к Вяземскому.

Князь Вяземский, тебе его я посвящаю
К наукам я твою любовь чрез опыт знаю,
И знаю, сколько лесть твоих ушес чужда
Судьею я тебя избрал сего труда,
В германском ты, равно и в росском силен слове,
Питомцы муз, в твоём ведиши жизнь покрове,
Устами истины немолчными гласят,
Что росский ты Катон и купно Меценат.⁸²

Искусно льстя Вяземскому, Мейер, очевидно, надеялся не только на награду «росского Мецената», но и на поддержку «росского Катона», готового одобрить «отважные» мысли как автора, так и переводчика. Вяземский ни в коей мере не походил на Катона, но роль Мецената, очевидно, ему была не чужда и даже приятна, судя по многочисленным литературным посвящениям, в которых изъяслялась благодарность за его благодеяния.

Об «отеческих милостях», полученных от Вяземского сенатским секретарем С. С. Башиловым,⁸³ упоминал его брат Илья Дебольцев в посвящении книги Ж. Аккариа де Серионна «Пользы европейских народов, изъясненные с стороны торговли» (1771), переведенной Башиловым и изданной после его смерти. «Две книги из достохвального сего сочинения, переведенные братом моим Семеном Башиловым, — писал Дебольцев, — давно принадлежат имени Вашего сиятельства, и я, посвящая теперь их Вам, то делаю, что непременно бы сделал и самый переводчик, если бы не постигла его безвременная смерть. <...> слава и память благодеяний достойны простираться далее дыхания тех, на коих они изливаются, и природа весьма бы скупо поступила с толь великою в человеке добродетелию, какова есть благотворительность, если бы награду ея заключила в собственных ея недрах, поставив оную во внутреннем только удовольствии благотворящего. Итак, я, представляя Вашему сиятельству облагодетельствованного Вами человека и по смерти своей пред Вами благодарным, не иное что тем усердствую сделать,

⁸² Иерузалимово творение о немецком языке и учености, возражающее сочинение его величества короля Прусского о немецких словесных науках и их недостатках < > Переведено с немецкого на российский язык и снабжено примечаниями < > Андреем Мейером СПб., 1783 С 3—6 нумер Напечатанный двумя годами ранее свой перевод книги Фридриха П «О немецких словесных науках » (1781) Мейер посвятил П И Панину

⁸³ О нем см. *Моисеева Г Н* Башилов С С // *Словарь русских писателей XVIII века* Вып 1 С 72 —73

как отдать справедливость достоинству Ваших добродетелей».⁸⁴ Этот витиеватый панегирик, возможно, имел целью также снискать милость и для самого Дебольцева и помочь в дальнейшем издании трудов брата, но второй том посвящавшегося Вяземскому труда так и не вышел из печати. За «оказываемые благодеяния» Вяземского благодарил В. Г. Рубан в посвящении ему второй части журнала «Старина и новизна» (1773). М. В. Протопопов⁸⁵ упоминал о «человеколюбивейших предприятиях» Вяземского, «приписывая» ему свой перевод книги Х. Ф. Геллерта «Нравоучение» (1775). «Сия книга <...> достойного сочинителя тем более заслуживает поднесена быть Вашему сиятельству, — писал переводчик, — чем яснее предлагает она гражданину ведущие к созиданию его блаженства пути и притом такие, по которым и Ваше сиятельство ходить изволите».⁸⁶ Так весьма деловитого и опытного царедворца Протопопов готов был наделить качествами, которые едва ли были ему присущи: в книге говорилось о таких важнейших добродетелях, как «умеренность и владычествование над своими желаниями, правосудие и любовь к человекам нашим братьям, <...> кротость, упование на Божественный промысл...».⁸⁷

Среди способов снискать княжескую милость был и другой прием, применявшийся достаточно часто и в посвящениях государю, — дедикация члену семьи мецената. Сенатский подканцелярист А. Фрязиновский, известный своими сервильными стихами, адресованными сильным мира сего, и в том числе Вяземскому («Его сиятельству князю Александру Алексеевичу Вяземскому < . > усерднейшее поздравление в день дражайшего его сиятельства тезоименитства, принесенное 1776 года, августа 30 дня»), выбрал для перевода «Слово похвальное Елене» Исократа, чтобы посвятить свой труд супруге генерал-прокурора Елене Никитичне. Сравнивая ее со «знаменитой гречанкой», переводчик превозносит достоинства Вяземской, уверяя в ее превосходстве над героиней Исократа: «. Ваше благородство тем знаменитее, что оно истинное, а ея вымышленное, которого никогда не бывало. Вы красотою одарены не только телесною, но и душевною, то есть отменным разумом и добродетелию, которая оная гораздо превосходнее».⁸⁸ Главным же предметом восхваления был,

⁸⁴ [Аккариа де Серионна Ж] Пользы европейских народов, изъясненные с стороны торговли Переводил < > Семен Башилов СПб, 1771 Т 1 С 5—7 нenum

⁸⁵ См о нем Рак В Д Протопопов М В // Словарь русских писателей XVIII века Вып 2 С 502—504

⁸⁶ Х Ф Геллерта нравоучение < > переведено < > Михайлом Протопоповым М, 1775 Т 1 С 6 нenum

⁸⁷ Там же С 11

⁸⁸ [Исократ] Слово похвальное Елене, за которую греками разорена Троя, < > на российский язык преложенное Александром Фрязиновским СПб, 1778 С 6 нenum

разумеется, супруг Елены Никитичны — всевластный генерал-прокурор, «под командою» которого переводчик, по его собственному признанию, находился «девятой год». Сравнивая Вяземского с Тезе-ем и Паридом (Парисом), Фрязиновский отдает безусловное предпочтение своему начальнику: «Если бы <...> возможно было мне все любезного сожителя Вашего труды и дела исчислить и живо представить совершенное о разуме его знание и потому отменное к нему благоволение не вымышленных богинь, но истинной превышающей их богини, владеющей наизнатнейшею частию света премудро и великодушно, вверившей ему толь великого своего государства все почти суды и вверяющей часто собственные свои тайны, то бы поистине и Тезей, и Парид пред ним посрамлены были».⁸⁹ Так, хвала в посвящении нарастает по восходящей: от супруги Вяземского к нему самому и, наконец, к Екатерине II, доверие которой предстает как высшая награда вельможе.

В других посвящениях генерал-прокурор выступает тоже как выразитель воли императрицы и одновременно предстатель перед ней. Ф. Г. Дильтей, посвящая Екатерине II свою книгу «Начальные основания вексельного права», поместил после этой дедикации «Эпистолу его сиятельству князю Александру Алексеичу Вяземскому», в которой, в частности, писал: «Счастлив бы я был, ежели бы сия книга и сочинитель оной удостоены были посредством Вашего сиятельства милостивого ходатайства толь великой монархини благоволения».⁹⁰ Стремясь выразить свою поддержку тем реформам, которые императрица проводила в прибалтийских землях, Ревельский губернский прокурор И. Н. Репьев перевел с немецкого языка книгу «Перемена в Эстляндии, или Описание пользы и преимуществ новых учреждений...» (1788) и посвятил ее Вяземскому со свидетельством «глубочайшего высокопочитания» к его особе.

Многие авторы, обращаясь к Вяземскому, стремились вместить в текст посвящения и панегирические отзывы о Екатерине II. Заслуги вельможи представлялись как следствие ее прозорливости и мудрости. Такая оценка деятельности Вяземского поддерживалась и самой государыней. Когда в 1789 г. генерал-прокурор был поражен параличом, императрица, как передает А. В. Храповицкий, сказала: «Жаль князя Вяземского. он мой ученик, и сколько я за него выдержала!»⁹¹

Традиция, в соответствии с которой вельможи изображались достойными слугами просвещенной монархини, всецело оправдывающими ее доверие, была нарушена Г. Р. Державиным в его знаменитой «Фелице» (1782). Поэт, служивший под непосредственным

⁸⁹ Там же С 7 нenum

⁹⁰ Дильтей Ф Г Начальные основания вексельного права [2-е изд]. М., 1772 С 18 нenum

⁹¹ Памятные записки А В Храповицкого, статс-секретаря Екатерины Второй М., 1990 С 216 (Репринт воспр изд 1862 г)

началом А. А. Вяземского, позволил себе противопоставить «мурз», тратящих свое время на ничтожные забавы и развлечения, трудолюбивой государыне, ежечасно пекущейся о благе подданных. В «Объяснениях к своим сочинениям» Державин поименно назвал вельмож, которых он имел в виду: А. А. Вяземский, С. К. Нарышкин, А. Г. Орлов, П. И. Панин, Г. А. Потемкин. Известна реакция Вяземского, в отличие от других не пожелавшего обратиться все в шутку и вынудившего Державина оставить службу в Сенате. Тем не менее впоследствии поэт откликнулся эпитафиями на смерть как Вяземского («На гроб князя Александра Алексеевича Вяземского», 1793), так и А. Г. Орлова («На гроб графа Алексея Григорьевича Орлова», 1807), вновь вернувшись к традиционному мотиву вельможа — достойный и преданный слуга великой монархини. Как бы подводя итог деятельности Вяземского, Державин так характеризовал его:

В усердии его к отечеству отверстом
Не спорит враг и друг, ни истина, ни лесть,
И слов над гробом сим не стыдно произнестъ
Он мог быть Сюллием при Генрихе Четвертом ⁹²

Параллели со знаменитыми европейскими политическими деятелями, выдающимися философами и писателями при характеристике своих соотечественников — характерная особенность русских произведений XVIII в., встречаемая также и в посвящениях. При этом нередко уже самый выбор книги для перевода давал повод для подобных параллелей.

Ярким примером может служить «Жизнеописание славного английского министра Виллиама Питта, графа Четамского» (1790), переведенное с английского языка М. И. Антоновским⁹³ и посвященное вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу Ивану Григорьевичу Чернышеву (1726—1797), занимавшему также ряд других видных государственных постов. В 1768—1769 гг. он находился в Англии в качестве русского посла и постоянно всячески подчеркивал свое расположение к англичанам. Французский дипломат Корберон даже язвительно заметил: «Граф Иван — англичанин из восторженности, сам не зная почему»⁹⁴ Спустя немало лет

⁹² Русская стихотворная эпитафия / Вступ ст, сост и подгот текста С. И. Николаева и Т. С. Царьковой СПб, 1998 С. 93

⁹³ См. Вацуро В. Э. Антоновский М. И. // Словарь русских писателей XVIII века Вып. 1 С. 35—37. Впервые «Жизнеописание» в переводе Антоновского было напечатано в журнале «Беседующий гражданин» (1789 Ч. 3 Ноябрь С. 245—277). Источником перевода была анонимная статья из «Universal Magazin of Knowledge and Pleasure» (1781 Vol. 69). См. Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России С. 87, 96

⁹⁴ См. Кросс Э. Г. У Темзских берегов Россияне в Британии в XVIII веке СПб, 1986 С. 33. О пребывании И. Г. Чернышева в Англии и его столкновении там с французским послом см. Там же С. 32—34

Чернышев предложил Антоновскому, служившему у него секретарем, перевести «Жизнеописание» У. Питта-старшего. Антоновский, который в 1784 г. стал одним из учредителей Общества друзей словесных наук, объединившего свободомыслящих литераторов, исполнил пожелание своего начальника, ему же и «приписав» свой перевод. Антоновский писал: «Украсить именем Вашего сиятельства сей перевод < ..> должен по многим причинам. Главнейшие из оных: всем известное во многом, описываемом о сем великом министре сходство ревностного Вашего служения пользе и славе отечества, как и неослабного усердия к Матери оного; желание Ваше, чтобы я предложил сие описание на российский язык с английского, в котором мог бы я, находясь под покровительством Вашего сиятельства, больше успеть, и та беспредельная признательность к оказанным мне в течение шести лет отеческим больше, нежели начальническим благотворениям Вашим».⁹⁵ Уподобляя Чернышева Питту-старшему, переводчик не только льстил ему, но и предлагал достойный пример идеального государственного деятеля, мудрого и бескорыстного, выступавшего «великим народным предстателем», заботящемся об «общем благе». В посвящении переводчик, используя устоявшиеся формулы, «пред целым светом» объявлял о своем «совершенном высокопочитании и таковой же преданности» Чернышеву. Однако книга вместе с этим посвящением вышла из печати уже после того, как между начальником и его секретарем произошла серьезная размолвка. Антоновский оставил свой пост, покинул дом Чернышева, где он жил, и в мае 1789 г. перешел под команду адмирала В. Я. Чичагова. Позднее в своих «Записках» Антоновский описывал этот эпизод следующим образом, говоря о себе в третьем лице: «Антоновский заметил необыкновенную холодность графа Чернышева в обращении с собою. < ..> Антоновский вовсе не захотел любопытствовать у графа о причинах сей разительнейшей для него перемены в обхождении с собою, а тем менее ясным представлением своей невинности всю ярость гнева сего сколько гневливейшего, столько и честлюбивейшего графа обратить на виновницу (ибо оною была дочь его Екатерина Ивановна) <..>, таковой мало делающей чести уму графа Ивана Григорьевича Чернышева легковерности, ежели бы она холодность была по оклеветанию»⁹⁶ Меж-

⁹⁵ Жизнеописание славного английского министра Виллиама Питта, графа Четапского С английского СПб, 1790 С 5—6 нenum

⁹⁶ Антоновский М И Записки // Русский архив 1885 Кн 1 № 2 С 159 Известную параллель рассказу Антоновского представляет, несмотря на всю свою пристрастность, и отзыв об И Г Чернышеве британского посла в Петербурге Дж Макартни « он подозрителен к своим друзьям, ненасытно мстителен к врагам, повелителен перед низшими, двуличен перед высшими, невнимателен к подчиненным, жесток к своим рабам, обращение его высокомерно, а характер вспыльчив до бешенства » (*Кросс Э Г У Темзских берегов* С 32)

ду размолвкой и выходом «Жизнеописания» Питта прошло несколько лет, но посвящение не было изъято. О причинах остается только догадываться: может быть, Антоновский не хотел тогда предавать гласности этот конфликт; может быть, в своих разъездах (он участвовал в 1789 г. в русско-шведской войне, а затем уезжал за границу в составе посольства) он просто не успел проследить за публикацией книги в Петербурге. Впрочем, несмотря на отлучки, в 1789 г. он деятельно участвовал в издании журнала «Беседующий гражданин». Во всяком случае, читатель, обращавшийся к переведенной им книге, читая посвящение, мог составить себе представление об И. Г. Чернышеве как о русском Питте, а главное, задуматься, каким же должен быть достойный государственный деятель.

Немалое влияние на правительственный курс Екатерины II мог оказать и Александр Андреевич Безбородко (1747—1799), статс-секретарь и любимый докладчик императрицы, сопровождавший ее в путешествиях по Белоруссии, а затем по южной России, игравший важную роль в Коллегии иностранных дел (занимая пост «второго присутствующего» при вице-канцлере А. И. Остермане, фактически был главным лицом в Коллегии) и руководивший образованным при ней в 1783 г. почтовым департаментом. Этому опытному царедворцу импонировала роль мецената. Он написал «сильную рекомендацию» Д. И. Фонвизину,⁹⁷ отправившемуся в 1784 г. за границу и уже несколько лет не служившему в Коллегии. Постоянным покровительством Безбородко пользовался Н. А. Львов, а через него и его друзья. Безбородко «горячо» рекомендовал в том же 1785 г. заместнику И. В. Гудовичу Державина при его назначении на пост тамбовского губернатора. Среди удостоенных милостей вельможи был и безвестный литератор И. К. Стрелевский, из посвящений которого выясняется, что «в Боже усопший родитель» Безбородко покровительствовал покойному отцу автора. Оба своих переводных труда Стрелевский посвятил Александру Андреевичу. Первая книга — «Избранные предметы для полезного чтения» (1788), означенная как перевод с французского, включала и несколько оригинальных статей.⁹⁸ В книге прежде всего обращают на себя внимание именно эти статьи, содержащие довольно смелые рассуждения на острые политические темы. Так, статья «О народной вольности» начинается словами: «Нельзя отрицать, что иногда народная вольность препятствует намерениям государя, который предпочитает самовольное владычество приятному удовольствию управлять сердцами подданных; однако сей есть единственный источник и способ к возвышению государства».⁹⁹ Далее в качестве примера та-

⁹⁷ Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 514.

⁹⁸ Это отмечено в СК (М., 1966. Т. 3. С. 174).

⁹⁹ Избранные предметы для полезного чтения. Перевел с французского Иван Стрелевский. СПб., 1788. С. 1.

кой страны, где «царствует свобода», приводится Англия. Обращаясь к истории России, автор связывает «успехи просвещения» с расширением международных контактов и восхваляет Екатерину II за то, что она «даровала дворянству свободу странствовать в чужие земли для образования умов своих»¹⁰⁰ Просьба Стрелевского о «благосклонном принятии» его труда, очевидно, не осталась безрезультатной, так как через четыре года в его переводе вышла книга «Начертание жизни Иосифа II, императора римского» (1792), также посвященная Безбородко. В дедикации упоминалось, что Иосиф II присвоил ему титул графа Римской империи (их личное знакомство состоялось еще в 1780 г, когда Безбородко сопровождал Екатерину II в Белоруссии). Содержавшиеся в книге похвалы Иосифу II как бы переадресовывались отличенному им русскому вельможе. Используя устоявшийся прием дедикаций, Стрелевский писал: «Кому пристойнее могу посвятить преложенные мною ко благу общества знаменитейшие и целому свету ведомые деяния блаженныя памяти императора Римского Иосифа II, как Вам, сиятельный граф!»¹⁰¹

Среди посвящений Безбородко были и достаточно безличные, явно написанные по долгу службы. Так, переводчик Коллегии иностранных дел А. С. Агафонов,¹⁰² в 1787 г. перемещенный из Иркутска в Петербург, в следующем году издал две переведенные им книги, причем одну посвятил Безбородко, а другую И. А. Остерману. В обеих дедикациях почти в одних и тех же выражениях варьировались стандартные похвалы. Так, обращаясь к Безбородко, Агафонов писал: «Высокие Вашего сиятельства добродетели возжигают и умножают такой в сердце моем пламень, каковым всегда воспламеняются сердца малых к высоким благодетелям их, ибо отменными Ваше сиятельство украшены добродетелями, испускаете изобильно милости лучи. Таковою убо милости Вашей лучею согрето имея сердце, с твердою надеждою дерзаю посвятить имени Вашего сиятельства переведенную мною книгу *Путь ко благополучию*, которая да удостоится милостивого принятия всеусердно желаю».¹⁰³ Несколько более кратко все это же было изложено и в посвящении И. А. Остерману: «Под сень покровительства Вашего прибегнувший из отдаленнейших краев, столь чувствительно имея сердце обогрето великия милости лучею, что от всего желания побуждаюся жертвовать посвящением трудов моих имени Вашего сиятель-

¹⁰⁰ Там же С 3

¹⁰¹ Начертание жизни Иосифа II, императора римского < > СПб, 1792 С 5 нenum

¹⁰² О нем см. *Лепехин М П* Агафонов А С // *Словарь русских писателей XVIII века* Вып 1 С 20–21

¹⁰³ [Шунь-Джи] Манжурского и китайского Хана-Шунь-Джия книга нужнейших рассуждений, ко благополучию поощряющих С манжурского переведена Алексеем Агафоновым СПб, 1788 С 5—6 нenum

ства, которые да удостоятся милостивого принятия всеусердно желаю». ¹⁰⁴ Личным вкусом и особым качествам каждого из вельмож не уделяется внимания: они оказываются как бы на одно лицо: важен не конкретный человек, а занимаемый им пост.

Тем не менее по содержанию некоторых посвящаемых Безбородко книг можно заметить, что в круг его интересов входили и сочинения по медицине. Так, несколько изданий выдержала книга Н. Тилли «Полезное описание употребления гарлемских капель» (1789, 1790, 1793) и это же «Сокращенное описание...» (1792, 1794) в переводе Я. Е. Даниловского, посвящавшего свой труд Безбородко. Н. М. Максимович-Амбодик приписал вельможе свой перевод книги Ж. К. Вильмона де Бомара «Физиология, или Естественная история о человеке». Обращаясь к Безбородко, этот переводчик, как и другие, подчеркивал, что его заслуги ценит императрица: «Презищные дарования и отличные добродетели, украшающие особу Вашу, кроме меня прославляются повсюду и уже известными учинились каждому. Они приобрели Вам высочайшее благоволение беспримерныя в свете монархини». В последующем благодарственном панегирике Безбородко также восхваляется как предстатель перед государыней: «Вы, милостивый государь, пользуясь и плодами высокомонарших к Вам милостей, не одни токмо довольствуетесь сим счастьем, но охотно соделываете и других соучастниками оного. Сколь на многих различного чина и состояния людей уже излились источники матерних щедрот посредством Вашего ходатайства у престола ея императорского величества! Сколь многих участи чрез покровительство Ваше устроились блаженными! Ваше сиятельство были и для меня великодушнейшим Меценатом пред несравненною отечества нашего Августою». ¹⁰⁵

Немало интересных наблюдений можно было бы сделать, анализируя посвящения, обращенные к другим вельможам и видным политическим деятелям екатерининского царствования, — таким, как Бибиковы, Воронцовы, Голицыны, И. П. Елагин, П. Д. Еропкин, П. В. Завадовский, Куракины, Панины и др. Но даже ограничиваясь именами самых влиятельных и наиболее близких к государыне особ, можно заключить, что литераторы, «приписывавшие» им свои труды, опираясь на существовавший канон, очень широко его варьировали. Многие особенности этих вариаций зависели от личности того человека, которому было адресовано посвящение. Хотя портрет предстал всегда в очень тщательно отретушированном

¹⁰⁴ [Шунь-Джи]. Манжурского и китайского хана книга Полезный и нужный образ к правлению. С манжурского переведена Алексеем Агафоновым. СПб., 1788. С. 5—6 нум.

¹⁰⁵ [Вильмон де Бомар Ж. К.] Физиология, или Естественная история о человеке <...>. Труды и иждивением Нестора Максимовича-Амбодика медицины доктора и профессора впервые напечатанная. СПб., 1787. С. 6—8 нум.

виде, отдельные черты находили сходство с оригиналом. Часто здесь воплощалась также мечта об идеальном государственном деятеле. Расхождение между идеалом и действительностью не могло укрыться от людей, сталкивавшихся с обычаями и нравами придворной жизни. Ф. Н. Голицын, пожалованный камер-юнкером в 1777 г., писал: «Двор, описываемый уже неоднократно и стихотворцами, и другими авторами, для размышляющего человека подлинно представляет важную картину. Если человек, скажу шутливо, захочет себя сохранить нетленным, надобно при входе присвоить себе ненарушимые правила. Без сей предосторожности, через год, через два, найдешь в себе удивительную перемену. Я сказал правила, но какие? Разум, честь и совесть: их должно стараться сохранить».¹⁰⁶ Другой мемуарист, А. С. Пишчевич, обиженный своим начальником, высказался еще более резко: «Твари, именуемые нами вельможами, не были бы вельможи, ежели бы они не обманывали, не хвастали и не играли теми, над коими слепое счастье их поставило...».¹⁰⁷

Тем не менее от них зависели судьбы многих людей, в значительной степени и судьба страны. Просветительские надежды на возможность вкоренить справедливые мнения и принципы в умы как правителей, так и их ближайших сподвижников побуждали многих русских литераторов обращаться к ним, преподнося книги, содержавшие полезные сведения и поучительные примеры. Далеко не всегда такие семена падали на бесплодную почву. Слава «философа» и мецената стала не менее притягательна, чем слава «героя», и благодаря покровительству вельмож многие произведения, как отечественные, так и зарубежные, смогли найти путь к русскому читателю.

ПРИЛОЖЕНИЕ

<Стихи И. П. Тургенева на кончину Ф. Г. Орлова>

Едва писание к тебе я начертал,
Дражайшую мне жизнь ты, граф, свою скончал.
О весть плачевная, ты душу огорчила!
Судьба, навек меня ты с графом разлучила!
Еще ли мало мне в несчастьи моем
Жить в скуке и терпеть различные досады,

¹⁰⁶ Голицын Ф. Н. Записки // Русский архив. 1875. № 5. Стлб. 1276.

¹⁰⁷ Жизнь А. С. Пишчевича, им самим описанная. 1764—1805. С предисл. и примеч. Н. Попова. М., 1885. С. 77.

Покоя не иметь, не ожидать отрады,
О рок, жестокий рок! во гневе ты своем
Во умножение сердечных оскорблений
Похитив у меня, кого я столь любил,
Кто мой утешитель, кто благодетель был,
Кто подкреплял меня с друзьями в разлученьи,
Того уж больше нет — страдай, скорбящий дух,
Страдай, злой вестию мой пораженный слух,
Вы, очи, горьких слез источники пролейте
И хладный прах его течением согрейте,
Чтоб он почувствовал, что я о нем грущу
И горе тем свое умножить я ищу.

Графу Федору Григорьевичу Орлову,
преставившемуся в Москве 17го мая 1796.

РГАЛИ. Ф. 501. Оп. 1. № 6. Л. 6.

Иван Петрович *Тургенев* (1752—1807), писатель, масон, один из наиболее деятельных участников Новиковского кружка, в 1792 г. был выслан в свое село Тургенево Симбирской губернии. Стихотворение, включенное в его дневниковые записи, служит важным интересным свидетельством сочувственного отношения Орловых к опальным масонам. Об И. П. Тургенева см.: *Кочеткова Н. Д.* К биографии Ивана Петровича Тургенева, друга и наставника Н. М. Карамзина // *Источниковедение и краеведение в культуре России*. М., 2000. С. 374—376; *Рыкова Е. К.* Категория счастья в духовной биографии Ивана Петровича Тургенева // *XVIII век: Искусство жить и жизнь искусства*. М., 2004. С. 276—289.